

ми являлись рога диких оленей и щучьи зубы. Также оберегами являлись когти медведей, носимые мужчинами на поясах, и лосиные зубы, привязываемые к колыбели. Из амулетов известен лишь «камень счастья» («живой камень»).

Несмотря на то что на смену многим положениям теории Штернберга пришли новые теории и гипотезы о развитии религиозных верований, работа выдающегося этнографа до сих пор имеет для российской науки огромное значение и является богатым материалом для глубокого теоретического анализа.

Библиография

Волков Н.Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки. СПб., Каутокейно, 1996.

Штернберг Л.Я. Анимизм // Энциклопедический словарь. СПб., 1911. Т. 2. С. 857–867.

Н.Г. Краснодембская, Е.С. Соболева

Становление индологического направления научных исследований МАЭ в эпоху Радлова и Штернберга (по архивным материалам)

Отдел, посвященный народам Южной Азии, является одним из богатейших в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН в Санкт-Петербурге. В нем сконцентрированы этнографические коллекции, относящиеся к народам практически всех стран региона (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри Ланка, Непал). Фонды его содержат более 13 тыс. предметов, характеризующих различные стороны быта и культуры этих народов. С помощью собранных в отделе экспонатов можно рассказывать об основных занятиях, жилище, одежде и пище, мировоззрении, религии и верованиях, а также искусстве и ремеслах различных этносов, проживающих в Южной Азии [Краснодембская 1983]. При этом в экспозицию отдела включена примерно десятая часть его фондов.

«Индийский зал» МАЭ имеет длительную историю. О чем-то подобном мечтал еще сам Петр I. Он придавал важнейшее значение

отношениям России с Индией. В его личных коллекциях, которые легли в основу собраний созданной им в 1714 г. Кунсткамеры, были и индийские предметы. В первых каталогах музея упоминались сосуды, украшения, скорлупа кокосовых орехов. В музейных документах существуют и упоминания о ранней коллекции индийских монет. После расформирования Кунсткамеры большинство этих предметов было передано в Эрмитаж.

Те, что остались в Этнографическом музее (основан в 1836 г.), после его реорганизации в 1879 г. в Музей антропологии и этнографии, как свидетельствуют документы, долгое время оставались неатрибутированными. Следовательно, их практически не задействовали в экспозициях. Многие из этих ранних вещей были позднее идентифицированы как южно-азиатские и зарегистрированы уже в позднее время под грифами «Из бывшей Кунсткамеры» или «Из старых поступлений МАЭ». Так, только в 1910 г. были зарегистрированы две ступки из слоновой кости, как мы предполагаем, приобретенные самим Петром I.

В 1931 и 1938, 1940–1941 гг. было составлено несколько подобных описей [Краснодембская 1983: 50]. Наибольшее число таких предметов были в 1949 г. объединены в единую коллекцию «Из старых собраний» (№ 4804). В нее вошли около 500 предметов без номеров неизвестного происхождения. Лишь частично впоследствии среди них были обнаружены вещи, числившиеся пропавшими по другим коллекциям. Но история выделения индийских предметов из фондов МАЭ требует особого исследования.

Возможно, индийские предметы имелись и в составе буддийских собраний Академии. Необходимость развития буддологии как направления научных исследований оказалась одним из главных аргументов при рассмотрении вопроса об учреждении при Императорской Академии наук «Музея антропологии и этнографии преимущественно России». В проекте записки-обоснования утверждается, что «упомянутые выше влияния Китая, а равно и Тибета на наших южно- и восточно-сибирских инородцев в особенности сказываются в религиозном отношении, в их буддийско-ламайском вероисповедании. Предметы и принадлежности этого богослужения имеют поэтому особое значение и для изучения многих из наших инородцев, и, согласно с тем, им отведено немаловажное место и в нашем Музее.

Коллекции, составленные по этой части еще Палласом и другими путешественниками прошедшего столетия, были много пополнены вследствие состоявшейся в прошедшем году, по Высочайшему повелению, передачи в Этнографический музей предметов этого рода из Эрмитажа, а в последнее время еще значительно обогатились вследствие приобретения для Музея, по Высочайшему повелению, коллекции буддийских предметов, вывезенной князем Ухтомским из Забайкальской области, из Монголии и из Китая» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1878. Е.х. 6. Л. 31–32].

В июне 1886 г. Государственный совет разрешил постройку нового флигеля для Библиотеки Императорской Академии «по переулку подле Библиотеки Академии и насупротив здания Академических Музеев» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1888. Е.х. 14. Л. 32]. В 1887 г. директор Библиотеки Академии наук академик А.А. Куник «уступил помещение в верхнем этаже нового флигеля в Таможенном переулке для нового музея (над Книжным складом). Там в двух больших и светлых залах верхнего этажа была устроена выставка зоологических коллекций генерала Пржевальского».

Особая Комиссия, назначенная Президентом ИАН графом Д. Толстым для обсуждения вопроса о выгоднейшем размещении Библиотеки и открытых для публики музеев Академии, в составе академиков В. Радлова, А. Штрауха, Ф. Шмидта, А. Куника, под председательством Л. Шренка, приняла решение соединить два музея [Там же. Л. 40–47об.]. Решением Государственного совета № 31 12 мая 1879 г. был создан Музей по антропологии и этнографии [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1878. Е.х. 6. Л. 14].

Директором музея был назначен академик Леопольд Иванович Шренк. 23 сентября 1889 г. вновь устроенный музей, готовый к открытию, осмотрел Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович, только что назначенный Президентом Императорской Академии наук. На содержание нового учреждения, в том числе на охрану экспозиции, требовались специальные ассигнации из Государственного казначейства, поэтому открытие музея для публики состоялось лишь 1 января 1891 г., и к открытию ученый помощник-хранитель Ф.К. Руссов подготовил путеводитель. Передача коллекций музея Императорского Русского географического

общества сделала МАЭ «центральной для России музеем по этим наукам» [Императорская... 1917: 246].

До конца XIX в., однако, все еще не были выработаны научные принципы показа коллекций «культурных стран Азии». Все еще был принят обычай экспонирования «чудес и редкостей», и индийские артефакты демонстрировались в МАЭ вместе с предметами из других регионов Азии. Возможно, поэтому первоначально внимание привлекли только две ступки гоанской работы из слоновой кости, выполненные в индо-португальском стиле, и резной ящик XVIII в. Только они и были названы предметами индийскими.

Как известно, серьезнейшие перемены в музее начались лишь с 1894 г. Тогда на должность директора 15 марта 1894 г. был избран В.В. Радлов. Именно он занялся радикальной реорганизацией всех сторон жизни музея. Много, действительно, требовалось изменить. Музей был выведен из ведения Физико-Математического Отделения Императорской Академии наук (далее — ИАН) в переведён в ведение Историко-Филологического Отделения. Был минимален штат сотрудников музея — всего три человека (он включал директора, ученого-хранителя и служителя музея). Даже для уже скопившихся за почти два века коллекций стали малы площади (как для хранения, так и для экспонирования). Сам В.В. Радлов, готовясь к новой должности, так оценил положение в музее: «Осмотрев ныне подробно вверенный моему управлению Музей Антропологии и Этнографии, я убедился в чрезвычайном богатстве собранных в нем коллекций. Кто знает затруднительное положение, в котором находится этот Музей, не располагающий достаточным местом для выставления предметов и даже для подготовительных работ и не имеющий в своем распоряжении необходимых денежных средств, может только удивляться, как заботами прежних директоров удалось собрать такое множество драгоценных предметов» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1894. Е.х. 24. Л. 2–3об.].

Он сразу же (12 марта 1894 г.) просил Историко-Филологическое отделение Императорской Академии наук (далее — ИФО ИАН) «дать мне право войти в сношение с лицами, живущими в различных частях России, которые могли бы быть полезными при пополнении наших этнографических коллекций и, в случае надобности, представить Отделению имена тех лиц, которые могли бы быть официально

назначены корреспондентами Музея по Этнографии и Антропологии Императорской Академии Наук с выдачей на это звание диплома» [Там же. Л. 2]. Благодаря введенному в 1898 г. институту корреспондентов МАЭ музей обогатился коллекциями из разных стран мира, но индийских вещей среди них было немного. Из скудных бюджетных сумм выкраивались средства и на содержание музея, и на покупку предметов. В.В. Радлов, изучив опыт музеев Европы, вводил в Санкт-Петербурге многие новшества, которые принесли ему успех.

В 1893 г. МАЭ приобрел буддийскую коллекцию И.П. Минаева у его наследниц В.П. и А.П. Шнейдер (274 пр. — бронзовые бурханы, иконы на холсте). Это первые южноазиатские приобретения музея — из Непала и Бирмы [Императорская 1917: 248].

Одна из первых крупных индийских коллекций поступила в МАЭ от императора Николая II. 9 декабря 1894 г. по предложению августейшего Президента Императорской Академии наук Великого Князя Константина Константиновича было принято решение передать в МАЭ предметы, «привезенные Государем Императором в бытность его Наследником Цесаревичем из своего путешествия на Восток в 1890–1891 гг.» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1894. Е.х. 31. Л. 15, 16–18].

Другая крупная коллекция стала началом европейского отдела МАЭ. 29 апреля 1897 г. «Государю Императору благородно было повелеть передать в Этнографический Музей при Императорской Академии наук находящуюся в Зимнем Дворце коллекцию одежд, поднесенную Болгарским народом в Бозе почившему Императору Александру II, по случаю 25-летия Его Царствования, 19 февраля 1880 г. [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1896. Е.х. 1. Л. 14]. Таким образом, директору МАЭ удалось получить две крупные и ценные этнографические коллекции из районов, не представленных в российских музеях. Эти царские коллекции впоследствии легли в основу концепции создания Императорского музея, каждый зал которого показывал бы значение той или иной царской особы в преумножении культурных ценностей России.

20 декабря 1899 г. Министерство Императорского Двора уведомило ИАН, что из Императорского Эрмитажа передаются в МАЭ костюмы (бурятский, мингрелский, греческий (в другом варианте документа — албанский. — *Авт.*), черногорский — мужской и женский на манекенах с подставками, три татарских шёлковых кафтана,

две чохи Сидского Раджи (Tschoha — robes de Rajah), кашмирская шаль [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 51. Л. 58, 77–78].

16 февраля 1900 г. В.В. Радлов уведомил Историко-Филологическое Отделение ИАН, что Берлинский Этнографический Музей отдает МАЭ две большие коллекции из дублетов (Африка; Южная Азия — Индия, Сиам, Зондские о-ва). Мена была расценена как крайне выгодная. Приём дублетов в Берлине и составление их списков было поручено старшему этнографу МАЭ Д.А. Клеменцу [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 53. Л. 168–170].

Начиная кампанию по увеличению бюджетного финансирования, В.В. Радлов писал 3 января 1898 г. в записке Министру финансов: «В нашем музее оставили следы своих трудов великие русские исследователи и путешественники прошлого и текущего столетия — материалы для истории русской науки, памятники ума, бесстрашия и усердия ее работников. У нас хранятся фактические свидетельства живого и сердечного отношения к этнографической [науке] Русских государей, начиная с Великого Петра и оканчивая ныне благополучно царствующим Государем Императором — Николаем Александровичем. Коллекция вещей и принадлежностей быта, поднесенных Болгарией, из 25 местностей Княжества, Освободителю своему, императору Александру II, коллекция из путешествия Государя Императора Николая Александровича, в бытность его Наследником Престола, помимо своего высокого научного значения, представляют собою целые страницы Русской Истории» [Там же. Л. 7].

Последовательная политика по разбору и каталогизации старых коллекций давала В.В. Радлову всё больше оснований утверждать, что «МАЭ более, чем все другие наши Музеи, связанные с именем Петра, связан с его кунст-камерой и кабинетом». По его ходатайству накануне празднования двухсотлетия Петербурга было возбуждено 13 ноября 1902 г. ходатайство о переименовании Музея, и 21 декабря 1902 г. «Государь Император Высочайше соизволил на наименование Музея по Антропологии и Этнографии ИАН «Музеем антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1902). Е.х. 90. Л. 1, 4].

В 1901 г. началось переоборудование Музея новой выставочной мебелью, в 1902 г. к зданию была добавлена пристройка со стороны двора (прихожая, раздевальная, комната для распаковки вновь по-

ступающих вещей). Это позволило увеличить количество экспонируемых вещей и включить музей в систему народного образования.

Впрочем, Комиссия для осмотра переустроенного Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого в составе: председатель — В.В. Латышев, члены — академики К.Г. Залеман, О.Н. Чернышев, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Ольденбург, Ф.Н. Чернышев — осмотрела новые экспозиции 25 ноября 1903 г. и разрешила его открыть после публикации нового «Путеводителя», что и было сделано [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 51. Л. 166].

Большую роль в развитии индологического направления играл Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934). Известный востоковед, санскритолог и знаток буддизма, преподававший на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, был председателем этнографического отделения Императорского Русского Географического общества. С 1903 г. — экстраординарный (с 1908 г. — ординарный) академик. Для его исследований в 1904 г. были специально заказаны фотоснимки с древностей Индии и Индийского архипелага, причем 100 руб. были выделены из средств I и III отделений ИАН [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1904). Е.х. 46. Л. 27]. Ольденбург руководил изучением и каталогизацией буддийских коллекций, участвовал в выставлении и описании в «Путеводителе» по МАЭ отдела буддизма (который располагался в верхнем зале музея). В 1909–1910 гг. и 1914–1915 гг. руководил академическими экспедициями в Туркестан. Он являлся неперменным секретарем Академии наук в 1904–1929 гг., в 1916 г. стал директором Азиатского музея.

Рядом с директором МАЭ В.В. Радловым с 1902 г. находился его соратник и помощник — Л.Я. Штернберг. И не только он. Новые работники музея считали, что задачей МАЭ должно стать не случайное собирательство, а планомерные и систематические этнографические изыскания и экспедиционные сборы. Выставки музея они хотели превратить в подлинно научное пособие по изучению материальной и духовной культуры народов всего мира. Однако вернемся к «индийской части» музея.

Напомним, что 21 декабря 1902 г. по ходатайству В.В. Радлова, поддержанному Историко-Филологическим Отделением ИАН, «Государь Император Высочайше соизволил на наименование Музея по

Антропологии и Этнографии Императорской Академии Наук «Музеум антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1903. Е.х. 150. Л. 253]. Надо понять, насколько серьезно обретение высокого статуса позитивно отразилось на развитии музея, привлекло к нему дотации и спонсоров.

Дирекция оказывала помощь вновь создаваемому в Санкт-Петербурге Этнографическому Отделу Русского Музея Императора Александра III (ныне — Российский Этнографический музей). В 1904 г. Комиссия, выбранная III-м Отделением Императорской Академии Наук в составе академиков В.В. Радлова, В.В. Латышева и С.Ф. Ольденбурга, обсудив вопросы, возбужденные в письме Великого Князя Георгия Михайловича касательно разграничения в будущем сфер деятельности Этнографического Отдела Музея Императора Александра III и состоящего при Императорской Академии Наук Музея антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого, пришли к заключению, в частности, что:

«2. Назначение Академического музея состоит в том, чтобы в тщательно подобранных этнографических объектах из быта самых различных племен и народов представить более или менее полную картину и материал для изучения эволюции человеческой культуры, начиная с доисторического периода и кончая высшими культурами современности.

3. Что касается Этнографического Отдела Музея Александра III, то, судя по тому, что в своей деятельности он ограничивается исключительно Россией и прилегающими странами, то является музеем территориальным; по этому самому цель его — скорее практическая, патриотическая. Его цель — представить картину этнографического протяжения нашего отечества, картину быта народов, обитающих в России и в непосредственном соседстве с нею. Каковы бы ни были достоинства этой картины, но в научном отношении она по необходимости всегда будет страдать некоторою отрывочностью, именно благодаря принципу территориальности. Ламаизм, например, будет оторван от своего индийского собрата — буддизма и брахманизма, тюрки и арабы будут оторваны от соплеменников африканских, чукчи от своих американских сородичей, евреи европейские от азиатских и африканских и т.д. <...>

6. Музеи не конкурируют и в финансовом отношении. Академический музей в течение своего долгого существования поддерживается главным образом пожертвованиями членов академии и привлеченных или сочувствующих лиц. Только в 1892 г. Музей добился суммы в 3000 р. на приобретение коллекций, но и эта скудная сумма, ввиду общей скудности средств, расходовалась по другим статьям бюджета, и новые коллекции в последние годы по-прежнему получались исключительно в виде дара сочувствующих целям музея лиц. Между тем, музей Императора Александра III обладает ежегодной суммой в 40000 р. на приобретение коллекций.» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 55. Л. 15–16об., 19].

И далее С.Ф. Ольденбург неоднократно вовлекался в дела, связанные с вышеуказанными музеями. Так, В.В. Радлов, К.Г. Залеман, А.А. Шахматов, С.Ф. Ольденбург как члены Комиссии по вопросу об упорядочении академических изданий на заседании Общего Собрания ИАН № 13 14 октября 1906 г. высказались в пользу перемещения Книжного склада с первого этажа здания по Таможенному пер. и упорядочения помещения [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1906, Е.х. 153. Л. 68]. Это помещение было передано МАЭ, и там были развернуты американские экспозиции.

С.Ф. Ольденбург неоднократно принимал на себя обязательства по управлению МАЭ: в 1907 г., пока В.В. Радлов был в командировке [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1907. Е.х. 154. Л. 356], затем — в 1912 г. [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1912. Е.х. 159. Л. 366]. От академика С.Ф. Ольденбурга поступили в дар Азиатскому музею рукописи, а МАЭ — три буддийских образа (танка и две статуэтки) [СПФ АРАН. Ф. 1, Оп. 1а-1909, Е.х. 156. Л. 312об.]. Он передал в МАЭ статуэтку Майтреи — дар Далай-Ламы, за что ему была выражена благодарность [СПФ АРАН. Ф. 1, Оп. 1а-1908, Е.х. 155. Л.316об.].

В.В. Радлов был председателем Выборной Комиссии по избранию С.Ф. Ольденбурга, экстраординарного академика, в ординарные академики по литературе и истории азиатских народов [Там же. Л. 385об.].

Когда 12.05 (29.04) 1918 г. ординарный академик Василий Васильевич Радлов на 83 году жизни скончался в Петрограде, С.Ф. Ольденбург опубликовал некролог в «Известиях» Академии [СПФ

АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Е.х. 165. Л. 45об.]. Затем С.Ф. Ольденбург как директор Азиатского музея ассигновал из сумм Музея 6 тыс. руб. на уплату за приобретенное для музея собрание книг и журналов от Александра Васильевича Радлова, академик В.В. Бартольд выделил на эти же цели 6 тыс. руб. из сумм МАЭ [Там же. Л. 486 об.].

В МАЭ целенаправленно создавался буддийский отдел, но регулярный приток экспонатов туда начался с 1897 г., в основном, из Центральной и Восточной Азии (фрески и др. образцы древнебуддийского искусства). Эта тематика интересовала многих зарубежных специалистов, в т.ч. профессора А. Грюнведеля (Albert Grünwedel), который неоднократно посещал Россию, работал в академических музеях, участвовал в археологических экспедициях и собрал экспонаты для Берлина. Он был избран в 1908 г. иностранным почетным членом-корреспондентом Императорской Академии наук по разряду Восточной Словесности и Истории Искусств [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1922. Е.х. 170. Л. 57об.].

С началом Первой мировой войны правительство потребовало исключить из состава союзов, обществ и др. подобных частных, общественных и правительственных организаций и установлений, в том числе академиков, почетных членов и членов-корреспондентов, состоящих в подданстве воюющих с Россией держав. На Экстраординарном Общем Собрании ИАН 14 марта 1915 г. члены Академии отказались это сделать, мотивируя своё решение тем, что «выборы были произведены за личные заслуги, а не за коллективную деятельность» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Е.х. 162. Л. 40об.–41]. Тем не менее в числе других членов-корреспондентов немецкого подданства он был исключен из списков ИАН [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1919. Е.х. 166. Л. 299].

Особенно интенсивно и систематически росли Восточноазиатский и Европейский отделы МАЭ. «Нечто совсем другое мы видим в отделах индийском и индокитайском. Благодаря энергии В.В. Радлова эти отделы, насчитывавшие ранее по 1–20 предметам (две ступки из слоновых клыков и резной ящик), приняли характер систематических коллекций. Государем Николаем II были пожертвованы сиамские вещи (предметы роскоши), д-р Ягор из Берлина подарил богатую коллекцию из Индии, лейпцигский профессор Ганс Мейер поднес Музею богатейшую (до 400 пр.) коллекцию индокитайских

одежд, с Международной рыболовной выставки поступила коллекция сямских рыболовных принадлежностей, от А.Н. Казнакова, барона Стаэль фон-Гольштейна и русского консула Некрасова в Бомбей поступили, наконец, коллекции по брахманизму. В последнее время есть надежда и на приобретение большой коллекции с Цейлона, Сиам, Китая и Японии, собранной Н.И. Воробьевым — таким образом и маленький цейлонский отдел, едва намеченный в Музее и являющийся в зародыше (коллекция от братьев Хэт [Хэйт. — *Авт.*], купленная с Костюмной выставки в 1907 г.), будем надеяться, разовьется и представит нам один из интереснейших в этнографическом отношении уголков мира. Оба отдела — Индийский вместе с Цейлоном и Индо-Китаем, связывающий азиатский культурный пояс с полукультурной Индонезией, в настоящее время насчитывает примерно до 1 тыс. предметов» [Музей 1907: 87–88]. В отчетах МАЭ этого периода об южно-азиатских коллекциях не упоминается. В 1907 г. Индия включена в один раздел с Китаем, Японией, Кореей и Индокитаем, но никаких конкретных фактов об особо выдающихся индийских вещах не приведено.

Собирателям коллекций сотрудники МАЭ посылали инструктивные письма, давали консультации. Эти советы превращали их в исследователей, которые накапливали ценный, нередко монографический научный материал (это особенно заметно в сборах по сибирскому искусству). Накопленный опыт переносился и на собирательство за рубежом.

Приведем пример подобного письма от 9 декабря 1899 г. от исполняющего должность старшего этнографа Музея Д.А. Клеменца самаркандскому уездному врачу Константину Евгеньевичу Островских, который предложил свои услуги по собиранию этнографической коллекции среди узбеков, таджиков, бухарцев, но не определил условий сотрудничества. Ему не предлагали денежный аванс, опасаясь перерасхода бюджета, тем более что ни с ним, ни с его коллекциями МАЭ пока знаком не был:

«Наиболее удобный для Музея способ Вашего сотрудничества был бы такой: получение коллекций, собранных Вами, и уплата по представленному Вами счёту их стоимости. Пересылка вещей может проводиться почтою в посылках весом не более пуда. Таковые,

на основании Устава ИАН и §60-го почтовых правил, должны быть принимаемы бесплатно.

Музей интересуется, прежде всего, домашней обстановкой, промыслами и занятиями населения. Все самодельное ценно для нас, все покупное и привозное имеет мало значения. Дорогих изданий Музей приобретать не имеет средств; нам доступно только повседневное.

Желательно было бы иметь орудия земледелия местной работы, изделия из кожи, образцы тканей. Справьтесь, сколько могут стоить ткацкие [принадлежности. — *Авт.*] для тканей и ковров, пряжи для выпрядения ниток бумажных и шерстяных, красильные вещества.

Очень интересны были бы сартовские колыбели: нет ли разницы в устройстве колыбелей между разными народами. Важны очень детские игрушки и игры взрослых. Ещё большее значение могли [бы. — *Авт.*] иметь принадлежности дровиша.

Из деревянных поделок могут быть удобны только негромоздкие вещи, важнее других между прочим производство горшочков. Равным образом, конечно, имеет большое значение одежда, особенно женская и детская.

В Туркестанском крае теперь немало фотографов. Вы чрезвычайно обяжали бы Музей, если узнали, от кого можно приобрести более или менее полные коллекции типов и сцен местных жителей и по каким ценам» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 52. Л. 83–86].

Благодаря активной разносторонней деятельности своих сотрудников музее удалось установить отношения со многими профильными учреждениями страны.

Так, в Музее Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества (далее — ОИРГО) имелся костюм сингалезского рыбака (правильнее говорить *сингалезского*, сингалы — основное население о-ва Цейлон) — единственный предмет из подобного рода коллекций. «Ввиду этого Распорядительный Комитет Западно-Сибирского Отдела ИРГО, имея в виду, что в Музее Академии имеется во всяком случае более полная коллекция подобного рода, постановил принести в дар Музею Академии Наук выше упомянутый костюм сингалезского рыбака, каковой и препровождается». Предмет был получен 21 октября 1901 г., о чем 24 октября

доложено Академии «на предмет выразить благодарность Отделу» в г. Омск [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 50. Л. 169, 175]. В дополнение 13 декабря 1901 г. в МАЭ препровождались шляпа и сандалии к этому костюму [Там же. Л. 175]. 24 октября 1901 г. Западно-Сибирскому ОИРГО была выражена благодарность [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1901. Е.х. 148. Л. 312об.].

В реальности это было только начало формирования цейлонской коллекции. Позже целая серия предметов пополнила цейлонский отдел музея. В сентябре 1905 г. у унтер-офицера Ивана Семенова была куплена для МАЭ модель судна с острова Цейлон (коллекция № 941) [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1906. Е.х. 153. Л. 332]. Ещё одна модель сингальской лодки (№ 1616) поступила в 1908 г. от В.В. Святловского, который впоследствии стал членом Попечительного Совета музея. Д-р Герман Мейер в 1907 г. преподнёс в дар МАЭ коллекцию театральных масок с о-ва Цейлон (№ 1180). Она была зарегистрирована Н.И. Воробьевым, который сам посетил этот остров и собрал для МАЭ коллекцию (№ 1044, 1906), частично подаренную, частично проданную им музею.

4 сентября 1902 г. Великая Княжна Ксения Александровна просила для Первой Международной выставки исторических и современных костюмов выдать одежду русских и др. из дублетов МАЭ, обязуясь вернуть их [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 51. Л. 101]. По завершении выставки МАЭ получил и все подаренные организаторам этнографические объекты, и даже манекены. Как указано выше, среди них имелись цейлонские и индийские коллекции от братьев Хэйт.

27 мая 1903 г. академик В.В. Радлов довел до сведения Отделения, что за последние два месяца текущего года профессором доктором Гансом Мейером из Лейпцига принесены в дар МАЭ три очень ценные этнографические коллекции: коллекция предметов быта жителей Новой Зеландии, состоящая из 35 вещей; коллекция предметов одежды народов Индокитая, состоящая всего из 170 вещей; коллекция костюмов бомбейских рыбаков, состоящая из 26 вещей. «Ввиду значительных заслуг проф. Ганса Мейера по отношению к Музею, академик В.В. Радлов просил Отделение разрешить выдать проф. Мейеру диплом корреспондента Музея антропологии и этно-

графии им. Императора Петра Великого» [Там же. Л. 130]. 3 июля 1904 г. Государь Император Николай II пожаловал Гансу Мейеру орден св. Анны 2 ст. с бриллиантовыми знаками [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1904). Е.х. 79. Л. 32].

С 1905 г. переписку с собирателями о приобретении, затем — обмене коллекциями стал вести Л.Я. Штернберг. Объем корреспонденции и география деловых контактов быстро расширились. Некоторые контрагенты даже обращались к Л.Я. Штернбергу «Господин Директор». Наибольшую для МАЭ актуальность представляли коллекции и отдельные предметы из Африки и Америки, которые заполняли лакуны в коллекциях. Приобретение южноазиатских предметов в этот период составляло скорее исключение, чем правило. В 1906 г. МАЭ приобрел у г-на И.М. Мирвиса три стереоскопа и «300 оригинальных стереографов, представляющих интересные в этнографическом отношении полные комплекты снимков по Индии, Японии, Египту», всего на сумму на 127 р. 50 к. (оплаченных из кредита музея) [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1906). Е.х. 26. Л. 34].

Заметим, что в описываемый нами период и несколько ранее активизировался практический интерес российских востоковедов к Индии. В частности, целая плеяда специалистов собирала оригиналы или заказывала копии рукописей на восточных языках. Эти сборы составили отделы в Азиатском музее ИАН, Публичной и университетской библиотеках и др.

История индийского отдела Азиатского музея перекликается с историей МАЭ. Азиатский музей был устроен в 1818 г. во флигеле Главного здания Академии, обращенном к Университетской линии. В 1903 г. Азиатский музей переместился в новое помещение. Тогда даже обсуждался проект разместить его в Библиотеке Академии наук, поскольку Азиатский музей представлял собой скорее библиотеку, чем собственно музей. Там содержались восточные монеты, камни и предметы с надписями, рукописи по Востоку, книги (в том числе по Египту и Африке). Этнографические предметы из Азиатского музея были переданы в академический Этнографический музей, а дирекция МАЭ регулярно передавала профильные предметы в Азиатский музей. Академик В.В. Радлов заведовал Азиатским музеем в 1885–1890 гг. 2 мая 1907 г. он вновь принял заведование

Азиатским музеем на время пребывания академика К.Г. Залемана за границей [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1907. Е.х. 154. Л. 338об.].

В академическом Азиатском музее «скромное собрание рукописей на индийских языках пополняется случайными и редкими поступлениями, отчасти копиями, заказанными в Индии для работ русских индологов». В 1914 г. каталог этих рукописей готовил к печати Н.Д. Миронов. В своих отчетах Азиатский музей указывает пожертвованные бароном А.А. Сталь-фон-Гольштейном в 1906 и 1908 гг. коллекцию из 178 санскритских и одной пенджабской рукописей, а также одну на неизвестном наречии. В 1907 г. скончался в Ашхабаде индийский торговец Хаса-Джас, от которого было получено 24 рукописи. В 1910 г. за 1000 руб. куплено 15 единиц хранения от Н.И. Воробьева (Сиам, Цейлон). 16 «тамульских рукописей» в 1913 г. прислал М.С. Андреев. Но самым драгоценным достоянием считались «древние рукописи, добытые в Китайском Туркестане (буддийские сборники изречений Dharmapada на пракритском языке, писанные на березовой коре, являющиеся, по всей вероятности, древнейшими из известных доселе индийских рукописей; приобретены для генерального консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского)». Значительная часть этих рукописей была описана и издана С.Ф. Ольденбургом [Императорская 1917: 230–233].

В 1907 г. Николай Иванович Воробьев, командированный в Индокитай, на о-ве Цейлон собирал ценный этнографический материал, поступивший в МАЭ [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 59. Л. 57об.].

15 октября 1908 г. привет-доцент Санкт-Петербургского Университета А.С. Щепотьев принес в дар Академии два лубочных индийских образа, приобретенных им в апреле в Мадуре. Историко-Филологическое Отделение ИАН приняло решение передать лубки в МАЭ и выразить дарителю благодарность Академии [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1908. Е.х. 155. Л. 392об.]. 11 марта 1909 г. от Музея Императорского Ботанического Сада получено собрание сельскохозяйственных орудий Японии, сиамской керамики и индийских копий [Там же. Л. 308].

В 1909 г. общее количество вещей в МАЭ выросло почти втрое (увеличившись на 8 тыс. пр. только в последний год). Вещей из Юж-

ной Азии было по-прежнему мало, они находились в ведении младшего этнографа Б.Ф. Адлера, который одновременно должен быть заниматься славянскими народами России, Китаем, Японией, Индией, Сиамом, археологией [СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Е.х. 31. Л. 93об.]. Предполагалось, что в дальнейшем в музее будет введена штатная единица специалиста по культурным странам Азии. Но особых планов по изучению Индии в МАЭ пока не строилось.

Тогда же, в 1909 г., по инициативе В.В. Радлова с разрешения Государственного Совета был создан Попечительный Совет при Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого. Первое заседание Совета состоялось 21 апреля 1909 г. в составе председателя Совета директора МАЭ В.В. Радлова, представителя ученого персонала старшего этнографа МАЭ Л.Я. Штернберга и почетного члена Ф.Ю. Шотлендера [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1910. Е.х. 157. Л. 362]. Личный состав Совета постепенно пополнялся. Почетным Председателем в 1912 г. стал Его Императорское Высочество Князь А.Г. Романовский герцог Лейхтенбергский. За первые четыре года Совет выделил на нужды МАЭ 136 тыс. руб.

Совет немало способствовал расширению сферы деятельности МАЭ, пополнению его коллекций, развертыванию экспозиционно-выставочной и издательской деятельности. К сожалению, этот аспект истории МАЭ, как, впрочем, и ряд других, пока исследован совсем мало.

С помощью Попечительного Совета (а именно на средства Ф.Ю. Шотлендера) в том же 1909 г. был создан новый Отдел. В записке В.В. Радлова Государю Императору, доложенной на Историко-Филологическом Отделении, предлагалось к трехсотлетнему юбилею Дома Романовых (к 1913 г.) открыть Галерею Петра Великого в МАЭ. Для ее устройства были выявлены и соединены все коллекции и предметы научного характера, имевшие отношение к особе Петра I, но до того времени хранившиеся в различных музеях и учреждениях. А для размещения данной экспозиции был надстроен третий этаж в музее [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1909. Е.х. 8. Л. 2]. Заведующим этим Отделом 6 октября 1910 г. был избран надворный советник Н.И. Воробьев, ранее предложивший идею создать в МАЭ

Галерею Императора Петра Великого [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1910. Е.х. 157. Л. 397об.].

Личные вкусы и интересы попечителей позволяли сотрудникам музея привлекать их к широкому спектру программ. Так, почетные члены Совета причисленный к Государственной Канцелярии дворянин Б.А. Игнатъев (утвержден в сем звании августейшим Президентом ИАН 12 декабря 1913 г.) и текстильный фабрикант К.К. Шейблер (утвержден 24 февраля 1914 г.) имели в числе приоритетов Индию.

Обменных коллекций из Индии другие музеи (кроме Берлинского музея народоведения) больше МАЭ не предлагали. Музеем же настоятельно требовались уже не любые, а цельные, научно собранные и описанные собрания. Постепенно формировалось убеждение, что наилучшие результаты может дать «экспедиционный» способ приобретения коллекций.

В 1910-е годы МАЭ удалось начать целенаправленную работу по приобретению коллекций в Южной Азии. Одновременно несколько человек предложили свои услуги в этом плане.

Завязал деловые отношения с МАЭ известный дилер Джона (Йон) Гагенбек (1866–1940), младший брат знаменитого гамбургского звероторговца Карла Гагенбека. Сбежав в юном возрасте из дома в Южные моря, он сделал там успешную карьеру как торговец перламутром. Поселившись в 1891 г. на о-ве Цейлон, он прожил там 25 лет и заложил базу первого зоопарка в Коломбо (Дехивала). Письмом из г. Коломбо от 7 марта 1912 г. Дж. Гагенбек предложил МАЭ приобрести этнографическую коллекцию из Андаманских островов (49 пр. культа, оружия, украшения, среди которых есть экземпляры ценные и редкие) за 750 марок, а также недорого — цейлонские маски и оружие. Как свидетельствует письмо от 28 мая 1912 г., он согласился на сумму в 500 марок, которые МАЭ должен был перевести Карлу Гагенбеку, и даже организовал перевозку четырех ящиков в Гамбург и далее в Петербург [Соболева 2007]. Эта андаманская коллекция МАЭ № 1997 состоит из 91 пр. [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1912. Е.х. 8. Л. 30об.].

К 300-летию Дома Романовых в Главную Дирекцию Императорского Русского Географического Общества поступило 24 индийских музыкальных инструмента от Радж-Кумар Шиама Кумар Тагора

из Калькутты. Была создана Комиссия для их оценки, и 24 сентября 1914 г. вещи было решено передать в Консерваторию [Там же. Л. 45].

В 1905–1914 гг. вице-консулом и помощником генерального консула России в Бомбее А.А. Половцева был Михаил Степанович Андреев (1873–1948). В те годы для музея российских товаров при Генеральном консульстве в Бомбее ожидали присылки экспонатов от ситцевой мануфактуры К. Шейблера, позже ставшего попечителем МАЭ [Шуваева 2000].

По рекомендации профессора Ф.К. Щербатского, в 1910 г. М.С. Андреев, восхищенный уникальным произведением традиционного индийского искусства, приобрел на собственные средства и отправил в МАЭ часть дворца пешвы из Махараштры XVII в. (коллекция № 1789, из г. Насик) [Кудрявцев 1953]. Взаимный энтузиазм собирателя и руководителей МАЭ позволил музею в 1912 г. обрести и другие уникальные (и в этнографическом, и в художественном отношении) предметы — собрание деревянных рельефов (части священной храмовой колесницы) и металлической пластики из Южной Индии (почти 300 ценнейших предметов, коллекция № 2055). В 1914 г. у этого же собирателя музей приобрёл редкую коллекцию по Южной Индии: около 170 предметов, характеризующих типы населения и повседневный быт жителей региона.

Когда группа слушателей Психоневрологического Института собралась отправиться в научную экспедицию в Индию и в Японию, руководство Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого ходатайствовало о них перед Правлением Добровольного Флота. 20 марта 1913 г. студентам было предоставлено право проезда от Одессы до Владивостока и остановки в попутных портах за плату со скидкой 25 % от установленной тарифом. В поездку собирались Борис Эйсурович, Даниил Лурье, Генрих Шлегель, Антонина Кравцова, Сергей Гейман, Иван Казанский, Исаак Розенталь, Николай Щелкунов и Георгий Барметов [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 65. Л. 68]. Сергей Вениаминович Гейман, мещанин г. Иркутска, привез в МАЭ предметы из этого путешествия, в т.ч. из Индии (№ 2256). А в 1914 г. он отправился в Южную Америку в составе так называемой Студенческой экспедиции, успешно там работал, поддерживал активную переписку с Л.Я. Штернбергом.

Владимир Алексеевич Иванов (1886–1970), магистр персидской словесности, прибыл для сбора книг в Индию в 1913 г. К тому времени он уже приобрел для МАЭ несколько коллекций в Персии. 27 марта 1913 г. он писал из Калькутты: «А потому я опять хочу предложить Музею свои услуги, по примеру прошлых лет, в качестве “коллектора”. Разумеется, прошу точно указать, если Вам интересны такие коллекции, — что именно собирать — Индия так громадна, так подавляет своей бесконечной множественностью, что до некоторой степени трудно ориентироваться здесь. Конечно, редкостей здесь найти трудно — ведь сказывается Английское Правительство. Но “быть”, ежедневный, — очень богат и доступен» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 67. Л. 105–106].

Дирекция МАЭ выразила В.А. Иванову благодарность за персидские коллекции, но 21 апреля 1914 г. музей отказался от его услуг, т.к. в Индию на два года была отправлена экспедиция Мервартов [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 358]. В 1914 г. В.А. Иванов поступил на должность временного сотрудника в Азиатский музей ИАН, для которого впоследствии собирал рукописи и книги, в том числе и в Индии.

Хотя о южноазиатских коллекциях в официальных публикациях МАЭ в те годы специально не писали, в сводной таблице № 5 значится, что на 1913 г. в Отделе Индии, Цейлона, Сиам и Бирмы числилось 39 коллекций и 1702 пр. (причём 1225 пр. были получены в дар, 472 куплены), и все они были зарегистрированы (кроме одного предмета), а до 1889 г. было известно всего о двух коллекциях из вышеуказанного региона, состоящих из пяти предметов (4 поступили из Кунсткамеры, 1 получен в дар) [Императорская 1917: 297]. Для сравнения скажем, что всего за 25 лет в МАЭ поступило 130 698 пр. [Там же. С. 292–293].

Изменилась система сборов этнографических материалов. Сначала МАЭ играл чисто пассивную роль приемника того, что по тому или иному случаю ему доставалось (случайные дары, иногда — поручения экспедициям Академии). Благодаря помощи Попечительного Совета стал возможен переход к активной инициативе, к планомерному научному собранию, к реализации принципа собирания путем научных экспедиций и командировок лиц, предварительно подготовленных к такой деятельности в Музее. Такие экспедиции

предпринимались либо самостоятельно Музеем, если это позволяли его средства, либо совместно с другими учреждениями. Официально самостоятельными предприятиями МАЭ с 1897 г. по 1913 гг. значатся экспедиции Г.М. Осокина (Монголия 1897), П.Е. Островских (Енисейская губ. 1898), С.М. Дудина (киргизы 1899), П.К. Саминова (о-в Эзель 1899), Б.О. Пилсудского (айны о-ва Сахалин, о. Есо 1902–1904), В.Л. Серошевского (Маньчжурия, айны о-ва Есо, 1902), В.Н. Васильева (Туруханский край, Якутская область, карагасы, сойоты 1904–1908), В.И. Каменского (Нижегородская, Костромская губ. 1907–1908), Н.В. Шабунина, А.В. Журавского (самоеды 1906–1908), В.В. Святловского (Австралия, Северная Америка 1908), чеха А.В. Фрича (Южная Америка 1910–1911), А.А. Ромаскевича, В.А. Иванова (Персия 1912–1913), Н.С. Гумилева (Восточная Африка 1913).

В 1913 г. планировались экспедиции к канадским индейцам и в Мексику под руководством профессора Колумбийского университета Ф. Боаса (которые осуществить не удалось) и экспедиция в Индию Г.Х. Мерварта. Также для приобретения требуемых вещей по инициативе и плану МАЭ использовались все экспедиции Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, причем многие командированные лица получали инструкции и подготовку в МАЭ (например, участники экспедиции академика С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан и др.) [Там же. С. 258–259].

Отправка экспедиции в Индию имела далеко идущие планы, как в науке, так и в музейно-административном плане. Решался вопрос о выводе Библиотеки Академии наук из исторического здания Кунсткамеры (для книжных хранилищ строилось новое здание). В.В. Радлов предложил логичное и убедительное обоснование права МАЭ на здание Кунсткамеры.

Ещё в 1910 г., открыв Галерею Петра Великого, он предложил продолжить увековечение темы императорского коллекционирования. Более того, в 1913 г. от В.В. Радлова поступило предложение в библиотечное здание бывшей Кунсткамеры перевести Галерею Петра Великого, отделы Китая, Японии, Америки, Индии, антропологии и археологии [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1914. Е.х. 161. Л. 382].

Почетный председатель Попечительного Совета А.Г. Романовский обратился к Историко-Филологическому отделению ИАН 29 января 1914 г. с рядом конкретных предложений, в том числе о переводе Галереи Петра Великого, в переустроенное здание Кунсткамеры, а также «о наименовании отдела Индии, основание которому положено собраниями Его Императорского Величества Государя Императора, залами Его Императорского Величества Императора Николая II» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Е.х. 8. Л. 20].

В 1896 г. в МАЭ были переданы около 250 индийских предметов, привезенных Николаем Александровичем ещё в бытность его цесаревичем, из путешествия на Восток в 1890–1891 гг. В основном это были образцы индийских ремесел: изделия из мрамора, серебра, бронзы, слоновой кости, черного дерева, образцы тканей, вышивки. Частью также присутствовали различные виды традиционного индийского оружия (каты, палицы, ритуальные мечи), старинный шлем. Именно это собрание (ныне коллекции № 308, 309, 312) сочли главной базой для создания в МАЭ специального индийского отдела. Но эти предметы имели скорее художественно-историческую ценность.

Экспонаты по Южной Азии представляли быт и культуру народов индийского субконтинента неполно, отрывочно и часто односторонне. Их было недостаточно для создания современной по методике экспонирования и научному замыслу экспозиции, посвященной этнографии индийских народов. Поэтому задача приобретения комплексов вещей, пригодных для экспонирования, была поставлена перед организованной МАЭ специальной экспедицией на Цейлон (ныне Шри Ланка) и в Индию (от которой тогда еще не отделились Пакистан и Бангладеш).

27 марта 1913 г. В.В. Радлов обратился в Историко-Филологическое отделение ИАН: «Считаю необходимым устроить в Музее специальный отдел культуры Индии и Индо-Китая и для осуществления этого подготовить специалиста, знакомого с языками этих стран, которого можно было бы впоследствии командировать в Индию для собирания коллекций, и с этой целью предложил рекомендованному мне специалистами доктору философии Гейдельбергского Университета, преподавателю гимназии Герману Христиановичу

Мерварту, специально занимавшемуся санскритским и дравидийскими языками, научно подготовиться к предлагаемой мною экспедиции и оправиться в Берлин, чтобы работать там в течение лета в местных библиотеках и Музее народоведения под руководством профессора Грюнведеля. Ввиду этого прошу разрешить Конференции командировать г. Мерварта в Берлин с 1 мая с.г. и одновременно сделать распоряжение об исходатайствовании для него заграничного паспорта» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1913. Е.х. 160. Л. 367 об.].

Отправленный за консультациями в Германию, Г.Х. Мерварт общал В.В. Радлову 22/9 июля 1913 г., что в Берлине проф. А. Грюнведель вдохновил его исследовать Цейлон, горы Нилгири, Внутренний Декан, Ориссу и Гималаи, особенно культуры [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 65. Л. 263–266]. В Мюнхене директор Королевского Этнографического музея Л. Шерман также рекомендовал ему изучать демонические культы. Тем самым музеи разных стран сумели разделить между собой районы, в изучении которых они были особо заинтересованы, чтобы не распылять силы и не дублировать друг друга. В конце 1913 г. проф. А. Грюнведель вновь посетил Санкт-Петербург и работал в его музеях «как тибетолог и буддолог» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1914. Е.х. 161. Л. 376].

С 1 октября 1913 г. был принят на службу по вольному найму в МАЭ с жалованием 80 р. в месяц Герман Христианович Мерварт, «который благодаря подготовке в санскрите и дравидийских языках мог бы научно обрабатывать музейный материал и со временем стать специалистом по индологии» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 81]. Он был причислен к МАЭ 1 февраля 1914 г., затем 28 апреля 1914 г. заочно избран на сверхштатную должность младшего этнографа.

В феврале 1914 г. средства на экспедицию супругов Г.Х. и Л.А. Мерварт предоставили Попечительному Совету Почетные Члены Б.А. Игнатъев и К.К. Шейблер [Там же. Л. 271]. О серьезной подготовке экспедиции свидетельствует и тот факт, что у Генеральной Компании фотографов и синемаграфов Братьев Пате была куплен съемочный аппарат. Огромная по тем временам сумма — 485 руб. — была выплачена в 1915 г., с согласия Правления ИАН, из сумм, ассигнованных для МАЭ [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Е.х. 162. Л. 416].

Вернуться на родину семье Мерварт удалось лишь в 1923 г.

В феврале 1914 г. Его Высочорodie Виктор Викторович Голубев принес в дар МАЭ «большое ценное собрание детальных снимков религиозных изображений из храмов в Южной Индии. Снимки эти являются результатом предпринятого г-ном В.В. Голубевым специального обследования всех храмов Индии, рассчитанного на целый ряд лет». В.В. Радлов уверял, что «в лице г. Голубева Музей приобретает ценного и бескорыстного сотрудника, энтузиаста индийского искусства, и крайне желательно было бы поэтому избрать его в корреспонденты Музея», что и было исполнено. В.В. Голубеву от имени Академии была выражена благодарность. 12 февраля 1914 г. в заседании Историко-Филологическое Отделение ИАН его избрали и утвердили корреспондентом Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого, о чем сообщили директору МАЭ для выдачи г. Голубеву диплома на это звание [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1914. Е.х. 161. Л. 393]. Дипломы для В.В. Голубева на звание корреспондента МАЭ были отпечатаны 13 марта 1914 г. в Типографии ИАН и отправлены ему 21 марта 1914 г. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 297, 359].

Музей в марте 1914 г. удостоил своего посещения и сам император. В.В. Радлов сообщал в Академию Наук: «Имею честь доложить Отделению, что 5-го числа сего марта Его Императорское Величество Государь Император осчастливил Музей своим посещением». Николай II «одобрил проект реставрации и переустройства бывшего здания Кунсткамеры, предназначавшегося для упомянутого Музея, а также помещения в этом здании Галереи Императора Петра I». Одновременно он изволил выразить Высочайшее соизволение «наименовать залы Отдела Индии, основание которому положено собраниями Его Императорского Величества, залами Его Императорского Величества Николая II». Во время своего визита, рассматривая галерею Петра Великого как собственность императорской фамилии, царь также предложил для специального надзора за ней создать особую комиссию «из лиц персонала Музея и чинов Министерства Императорского Двора» [Там же. Л. 323–324]. Тем самым В.В. Радлов сумел привлечь к исполнению своих грандиозных планов и замыслов расширения и усовершенствования музея внимание царствующей фамилии [Краснодембская, Соболева 2009].

Таким вот образом была проявлена личная заинтересованность самого императора в делах музея. По-видимому, это сыграло немаловажную роль в осуществлении различных музейных проектов, в том числе и в организации индийской экспедиции. Заметим, между прочим, что Л.А. Мерварт до своего перехода в сотрудники музея служила «преподавательницей немецкого языка в гимназии Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 260].

26 марта 1914 г. в Отчете о деятельности Попечительного Совета о Музее Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого за 1913 г. сообщается, что перед новыми почетными членами Совета «открываются новые щедрые перспективы».

Борис Александрович Игнатъев, Губернский Секретарь, причисленный к Канцелярии Государственного Совета, Почетный Член Попечительного Совета Музея антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого, снарядивший для Музея на свои средства экспедицию в Индию, 28 мая 1914 г. выразил желание на свой счет поехать на некоторое время в Индию, чтобы принять посильное участие в работе экспедиции, и затем отправиться в Японию и Северную Америку для ознакомления с местными музеями и при случае приобрести этнографические предметы для Музея. В.В. Радлов приветствовал эту идею: «Считая эту поездку г. Игнатъева весьма полезной для интересов Музея, прошу Отделение командировать г. Игнатъева в упомянутые страны и вместе с тем возбудить ходатайство перед Государственным секретарем о разрешении ему отпуска на время командировки» [Там же. Л. 406]. 4/17 июня 1914 г. ему был выписан от МАЭ Открытый лист [Там же. Л. 421]. Но Канцелярия МИД отказалась выдать ему дипломатический паспорт, т.к. Игнатъев отправлялся за границу не по Высочайшему повелению [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Е.х. 8. Л. 42].

На экспедицию Г.Х. и Л.А. Мервартов на о. Цейлон и в Индию Б.А. Игнатъев выделил 13825 руб. 14 коп. Им было поручено, «кроме изучения населения в лингвистическом и этнографическом отношениях, собрать полные коллекции по быту, искусству и религии народов Индии, каковые коллекции должны образовать в Музее особый отдел им. Государя Императора». На средства того же г. Игнатъева за 2035 руб. была приобретена «ценная коллекция С.Д. Андреева (пра-

вильно — М.С. Андреева. — *Авт.*) по религии Индии, хранившаяся в Музее до сего времени условно до благоприятного для приобретения случая» [Там же. Л. 421–421об.].

Но с началом Первой мировой войны Б.А. Игнатъев находился на театре военных действий в качестве уполномоченного Красного Креста [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Е.х. 162. Л. 420об.] и помогать музею уже не мог. Затем в Индию экспедиции Г.Х. и Л.А. Мерварта были посланы от Попечительного Совета ещё 2 тыс. руб.

История борьбы В.В. Радлова и Л.Я. Штернберга за коллекции, усилия Академии наук по оплате их хранения за рубежом, помощь Мервартам и их возвращение в Музей подробно описаны в специальной статье [Краснодембская, Соболева 2009].

Попечители МАЭ получали награды в соответствии со своим вкладом. Так, по докладу Почетного Председателя Попечительного Совета А.Г. Романовского по случаю посещения Музея Николаем II К.К. Шейблер был представлен к чрезвычайной награде с Высочайшего Его Императорского Величества соизволения: «Почетный Член Попечительного Совета Карл Шейблер принес в дар Музею обширнейшие собрания, исключительные по количеству и научной ценности, по народам Индонезии и сверх того участвует в финансировании многолетней экспедиции в Индию, собирающей специально коллекции для вновь образуемого Отдела Индии имени Государя Императора. На возведение Карла Шейблера в потомственное дворянство, как видно из рескрипта Его Императорского Высочества Герцога Лейхтенбергского на имя Главноуправляющего Канцелярией Его Императорского Величества, последовало Высочайшее соизволение» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 41–42].

Первая мировая война оборвала многие планы. Помощь К.К. Шейблера прекратилась, поскольку он «оказался во время нашествия германцев в Лодзи и, по газетным сведениям, был увезен военнопленным в Германию» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Е.х. 162. Л. 420об.].

17 сентября 1916 г. по ходатайству МАЭ был выдан Открытый лист Анне Алексеевне Каменской для поездки в Индию с целью изучения местных религий, сбора предметов культа и быта [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 375]. Но 1 октября 1917 г.

А.А. Каменская вернула Открытый лист в МАЭ [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). Е.х. 71. Л. 54].

После революции 1917 г. ситуация с приобретением зарубежных коллекций резко изменилась. До середины 1920-х годов МАЭ удавалось, преодолевая огромные трудности, сохранять коллекции в Петрограде, добиваться возвращения экспедиций и воссоединять разрозненные собрания. Проблема распределения предметов и доли индийских вещей в межмузейных обменах послереволюционного периода требует особого изучения.

Как видим, международное музейное сотрудничество в «радловско-штернбергский период» жизни МАЭ вообще рассматривалось как норма. Именно в это время осуществлялся международный межмузейный обмен экспонатами, в котором одну из ведущих ролей играл Л.Я. Штернберг.

До недавнего времени казалось, что для осуществления подобных масштабных мероприятий было достаточно просветительских идей, а также энтузиазма В.В. Радлова и помощников. По умолчанию считалось, что финансирование новых проектов, в том числе экспедиции в Индию, осуществлялось Императорской Академией наук. Однако более внимательное и подробное изучение архивных материалов открыло много новых интересных подробностей как в отношении идей, которые лежали в основе бурной музейной жизни на стыке двух веков, и их материальной поддержки, так и в отношении организации самих научных и практических деяний.

Обратившись к приведенным архивным материалам (кстати сказать, почти все они еще не были введены в наш научный оборот), мы открываем новые грани и иные стороны деятельности МАЭ тех времен в отношении индологического направления.

Прежде всего, необходимо отметить важность создания и деятельности Попечительного Совета музея. В него входили влиятельные люди, через него осуществлялись дарения в МАЭ коллекций, в том числе и от иностранцев. Собирателей и дарителей избирали корреспондентами МАЭ, а за щедрые пожертвования и оказанные музею услуги награждали российскими орденами.

Материальные вопросы, видимо, вообще было решать непросто. В переписке членов различных экспедиций с дирекцией МАЭ тема средств, субсидий, переводов всегда стоит достаточно остро. Так

или иначе, В.В. Радлов и Л.Я. Штернберг старались использовать любые возможности для приобретения новых коллекций. В документах, хранящихся в СПФ АРАН, обычно указывается, за счет каких средств осуществлялись эти сделки: в них перечислены суммы, ассигнованные Музеем на приобретение коллекций, частные пожертвования, целенаправленные покупки, дарения.

Способствовали пополнению (или хотя бы пересылке) пересылке индийских коллекций также Российские Генеральные Консульства в Бомбее, Калькутте и Коломбо. Правление Добровольного Флота разрешило перевозить грузы ИАН бесплатно на своих пароходах, а Управление железных дорог давало МАЭ значительные скидки на провоз груза; оплата проезда участников экспедиций также осуществлялась особо, в льготном порядке.

Характерно для рассматриваемого периода, что все участники этого необычайного по своей активности «музейного штурма» работали, как сказали бы теперь, «в тесной спайке». Очевидно, что в это время они стояли на общей платформе, стремились к общим целям, трудились, как настоящие единомышленники, поддерживали друг друга. Л.Я. Штернберг был ближайшим помощником директора, а в некоторых делах его заменял. Так, некоторые документы вместо В.В. Радлова подписывал Л.Я. Штернберг. В роли представителя музея выступал и С.Ф. Ольденбург.

Вновь МАЭ обращается к теме пополнения коллекций в 1923 г. Академик-секретарь доложил, что 25 мая 1923 г. утвержден Советом МАЭ проект распределения Отделов МАЭ в старом и отведенном ему новом здании Академии [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1923. Е.х. 172. Л. 217об.]. Для индийских коллекций отводился нынешний зал на втором этаже.

26 июня 1923 г. Академик-секретарь сообщал, что МАЭ в обмен на музейные дублетные номера (отрезки бухарских, китайских, индийских, болгарских тканей, не имеющих научного значения) приобрел коллекцию персидских тарелок (24 шт.), киргизский свадебный головной убор (*саукеле*), персидское стекло (6 пр.), всего 46 предметов большого научного интереса [Там же. Л. 217об.].

Только в 1925 г. южноазиатская тематика нашла адекватное отражение в новой экспозиции МАЭ. Л.Я. Штернберг, супруги Мерварт и коллектив музея разработали концепцию Юбилейной выставки

к 200-летию Кунсткамеры. Были выделены средства, в частности, на изготовление манекенов и моделей для выставки. Из юбилейных сумм на установку и монтировку коллекций 28 мая 1925 г. было уплачено Н.Ф. Вальдману 104 руб. за женскую фигуру андаманки с ребенком для Отдела Индонезии, раскрашенную и в парике, 3 июня — 80 руб. за фигуру андаманца, 19 августа — 8 руб. 80 коп. за 1 пару рук и 1 пару ног; Н. Дыдыкиной 10 июня — 106 руб. за фигуру сидячую брамина и мужскую голову с наклеенной бородой; А. Вернер 11 июля — 140 руб. за работы для Отдела Индии и 19 августа — за бюсты тамилки, сингалезки, пару рук для сингалезки и пару ног. Тогда же С.И. Юнкер-Крамская для Отдела Индии изготовила модели. [СПФ АРАН. Ф. 4/ Оп. 2 (1925)/ Е.х. 20. Л. 151, 160, 164, 225, 293, 295, 317].

Как видим, о пополнении «индийского отдела» заботились все устроители обновляющегося музея: индийские предметы покупал и преподносил в дар музею сам В.В. Радлов, академик С.Ф. Ольденбург, сотрудники МАЭ Н.И. Воробьев, Г.Х. и Л.А. Мерварты и др. Ныне в экспозиции (а большей частью пока в фондах) Южной Азии присутствуют многие ценнейшие предметы из коллекций Андреева и Мервартов. Примечательно, что М.С. Андреев, а вслед за ним и Мерварты доставили в МАЭ многие экспонаты, характеризующие культуру и быт народов Южной Индии, то есть того региона, который был почти совершенно незнаком европейской науке в первой половине XX в. Таким образом, названные собиратели и сам МАЭ оказались в этой области одними из первопроходцев, а обретенные нами таким образом коллекции уникальны.

Практический опыт, накопленный В.В. Радловым и Л.Я. Штернбергом в экспедициях и в ходе переговоров по приобретению коллекций из других континентов (Америки, Африки), очевидно, показал, что следует найти иной способ для пополнения коллекций азиатских. Южная Азия не была районом интенсивной музейно-собирательской работы зарубежных исследователей, и практика МАЭ в этом плане оказалась уникальной. Отечественные исследователи выработали свои методы полевой работы. Состав их коллекций наглядно это показывает. Неслучайно посетители МАЭ и жители нашего города высоко ценят индийские коллекции академического музея, приветствуют их показ на временных выставках.

Библиография

Императорская Академия наук 1889–1914. II. Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Ч. 1-я. Пг., 1917.

Краснодембская Н.Г. От Львиного острова до Обители Снегов. М.: Наука, 1983.

Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. Мечта об Императорском зале: неизвестные идеи устройства МАЭ РАН (конец XIX — начало XX века) // Россия — Восток. Контакт и конфликт мировоззрений: Материалы XV Царско-сельской научной конференции. Сборник научных статей. В двух частях. Ч. 1. СПб.: ГМЗ «Царское Село», 2009. С. 257–266.

Кудрявцев М.К. Фрагмент дворца из г. Насик (Индия) // Сборник МАЭ. Т. XIV. М.; Л.: Наука, 1953. С. 140–146.

Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук в период 12-летнего управления В.В. Радлова 1894–1906 // Природа. № 925, № 7–9 (Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова 5 января 1907 года). СПб., 1907.

Соболева Е.С. Из истории отношений Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и Гамбургского Музея народоведения (конец XIX — начало XX века // Санкт-Петербург — Гамбург: Балтийские побратимы. СПб.: Европейский дом, 2007. С. 179–203.

Шуваева Л. Роль Российского консульства в Индии в установлении русско-индийских связей в 1900–1917 гг. // Россия — Индия: перспективы регионального сотрудничества (Липецкая область). М.: Институт востоковедения РАН, 2000.

Источники

СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Е.х. 148–172.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1878. Е.х. 6.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1888. Е.х. 14.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1894. Е.х. 24.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1894. Е.х. 31.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1896. Е.х. 1.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1909. Е.х. 8.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1912. Е.х. 8.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Е.х. 8.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1902). Е.х. 90.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1904). Е.х. 46.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1904). Е.х. 79.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1906). Е.х. 26.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1925). Е.х. 20.

СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1, Е.х. 31.

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 50–71.

А.Б. Островский

Проблема первобытного мышления в трудах Л.Я. Штернберга

Проблема первобытного мышления затрагивается Л.Я. Штернбергом в нескольких ракурсах, всякий раз она соотносится с этнографическим материалом либо возникает в его контексте. В ранних работах — при изучении языка и мифологии нивхов, верований народов Дальнего Востока, что и составляет осмысляемый им этнографический контекст, а позднее — в лекциях для студентов, изданных посмертно («Первобытная религия в свете этнографии». М.; Л., 1930).

Начнем с более поздней ситуации, когда ракурс рассмотрения был задан необходимостью ознакомить студенческую аудиторию с концепциями, объясняющими «своеобразие мышления примитивного человека» [Штернберг 1930: 281], в первую очередь с концепцией «дологического мышления» Л. Леви-Брюля, оценить ее и очертить свою позицию по этой методологически значимой проблематике. В лекции VI Штернберг формулирует три основных положения леви-брюлевской концепции: 1) безусловное подчинение мышления индивида тем идеям, которые возникли в обществе прежде; 2) всеобщность мистического компонента в восприятии примитивного человека; 3) «закон соучастия» (в переводе на русский язык утвердилось словосочетание «закон сопричастия») — способность примитивного человека «отождествлять самые различные объекты, которые, с нашей точки зрения, не могут иметь никакой логической связи», таково свойство мышления благодаря «мистическому отношению к миру» [Там же: 281–283].

Штернберг делает критический разбор этих положений, фактически отвергая их научную ценность. Во-первых, идеи, признаваемые коллективом, вряд ли возникли некогда с помощью дологического